

КРУГОВОРОТ ФАВОРИТОВ В КРЕМЛЕ

Особенности кадровой работы Бориса Ельцина

Клубок дворцовых интриг, приведших к отставке «дружной команды молодых реформаторов», будет распутываться и уже распутывается в многочисленных статьях и передачах по радио и телевидению. Но мне думается, что наиболее интересно в этом событии все же не то, как оно связано с борьбой придворных клик и приближенных банков, судьбой Черномырдина, Березовского, ОНЭКСИМа и т. д., а то, что оно с предельной ясностью высвечивает закономерности нашей политической жизни. А именно: правление посредством периодически возвышаемых и затем низвергаемых фаворитов-временщиков.

В самом деле, ведь все это мы уже видели, и Чубайс — далеко не первый временщик, еще недавно казавшийся всемогущим и вдруг низвергнутый. Самая очевидная параллель судьбе Чубайса — судьба другого «русского реформатора», Гайдара. При всем различии личностей Гайдара и Чубайса и способов их приближения и отстранения «рисунк» их политической судьбы — общий. И тот и другой — «выскочки» и временщики-фавориты, которых президент полюбил и стремительно возвысил почти так, как возвышали своих любовников императрицы XVIII века. (Сплетня об отношениях Чубайса и Татьяны Дьяченко, вероятно, просто сплетня, но возникновение ее не случайно — в возвышениях, подобных возвышению Гайдара и Чубайса, есть нечто от стремительного романа ветреной женщины, естественно, кончающегося изменой и новым романом.) И тот и другой — убежденные рыночники, с энтузиазмом выполняющие «необходимую грязную» работу. И тот и другой любимы «демократической интеллигенцией» и Западом, но чужды и неприятны номенклатурной элите, как неприятен выскочка людям, добивавшимся своего положения не «случаем», а «горбом». И тот и другой ненавистны колоссальному числу людей, пострадавших от капиталистических реформ, и коммунистам, в сознании которых эти фигуры приобрели демонические очертания. Наконец, и того и другого неожиданно выгоняют, после чего слышится вздох облегчения их врагов и возникают надежды на «оздоровление» и «перемену курса». Но можно вспомнить не только Гайдара. Можно вспомнить и ныне уже подзабытого «стратега реформ*-Бурбулиса и «пострадавших» из противоположного лагеря: были ведь при дворе Ельцина фигуры, «демонизированные» не коммунистами, а, наоборот, демократами, но кончившие так же. Например, Коржаков с Барсуковым, покойный Егоров, которому демократы приписывали авторство чеченской войны. Все это — разные варианты и формы одной модели: стремительное возвышение, кажущееся могущество, фокусирование на себе ненависти и зависти и внезапная опала. В чем причина этой повторяемости?

В нашей теперешней политической системе это, видимо, единственно возможная модель политической карьеры. Если бы Ельцин был президентом — главой партии, победившей на выборах, он был бы скован этой партией, ее программой и идеологией и мог выбирать лишь из узкого круга лиц, уже (и вне зависимости от него) сделавших партийные карьеры. Если бы он был президентом с ограниченными полномочиями, в условиях, когда власть принадлежит назначенному парламентом правительству, его возможности возносить любимцев были бы тоже крайне ограничены. Наконец, если бы он был генсеком

КПСС, он мог бы выбирать лишь из числа высшей номенклатуры и был бы ограничен Политбюро. Ни Хрущев, ни Брежнев не вольны были назначить премьером завлаба, привлекшего их своей интеллигентностью, или сделать самым влиятельным лицом в государстве любимого телохранителя.

Но Ельцин сам отказался от реальной в 1991—1992 гг. перспективы стать главой партии, предпочтя более удобную для него и более соответствующую национальным традициям роль «президента всех россиян», стоящего вне партий и над партиями. Он сам создал Конституцию, делающую его всевластным, а парламент — бессильным. И КПСС он тоже сам разрушил, освободившись от пут партийных традиций и ритуалов. Этим он сделал для себя не только возможным, но и единственно возможным правление через фаворитов.

Я совсем не хочу впадать в преувеличения и говорить, что демократия у нас не сделала никаких успехов. Напротив, успехи ее очевидны и велики, и во многих аспектах власть Ельцина — очень ограничена. Но при назначении на высшие государственные должности его возможности больше, чем возможности президентов по-настоящему демократических стран и чем возможности коммунистических генсеков. В этом смысле объем его полномочий приближается к власти лишь одного из серии советских руководителей — Сталина в его позднем периоде.

Конечно, сравнение позднего Ельцина и позднего Сталина имеет очень ограниченное значение. Масштабы их личностей и власти — совершенно разные. Это как бы сравнение настоящего диктатора с «семейным тираном». Но при всем различии масштабов психология и методы «локальной тирании» могут быть тождественны психологии и методам тотальной диктатуры так же, как столкновение бильярдных шаров подчиняется тем же законам механики, что и столкновение небесных тел. В самом деле, роль и судьбу Гайдара и Чубайса можно сравнить с ролью и судьбой, например, Ягоды или Ежова. Те тоже были подняты из номенклатурных низов, казались всемогущими, выполняли «грязную, но необходимую работу», фокусировали на себе всеобщую ненависть, которая благодаря этому оказывалась направленной не на верховного владыку, а на слугу, и затем внезапно исчезали, после чего появлялась иллюзия, будто сам Сталин ни при чем, он многого даже и не знал, и что теперь, когда настоящий демон повержен, жизнь выправится.

Мне кажется даже, что, как и у Сталина, кажущаяся непредсказуемость и иррациональность ельцинских кадровых решений (только что говорил, что Березовского не снимет — и тут же снял, только что хвалил Коха — и тут же выгнал) — нарочитая, специально «заостренная». Чтобы все боялись и знали свое место. И даже реакция Чубайса («мы примем любое решение президента») несколько похожа на реакцию арестованного партийца, все равно преданного Сталину и винящего в своей судьбе не его, а обманувших его негодяев. Есть и еще одно сходство позднего Сталина и позднего Ельцина.

У обоих в руках — громадная власть, которая тем не менее в своих основаниях условна и ограничена (у Сталина — марксизмом-ленинизмом, необходимостью строить коммунизм, у Ельцина — демократией и выборами, необходимостью тоже что-то строить и что-то доказывать). И эти ограничения, иногда очень ощутимые (Ельцину, например, пришлось в 1996 г. во имя демократии даже плясать перед народом с больным сердцем), естественно, тяготят. Поэтому их обоих привлекает монархия — модель власти, при которой ты не обязан что-то «строить» и что-то «доказывать». Сталин ввел погоны, титулы типа «Верховный» и очень любил Петра I и Ивана Грозного. Ельцин ввел двуглавого орла, воскресил Думу и тоже любит Петра. Обоим очень нравится, когда в их свите можно

увидеть благородное лицо патриарха. И это — не случайное сходство, ибо цари по масштабам власти, но не по ее безусловности и легитимности, естественно, хотят быть просто царями, которым не нужно постоянно утверждать свою власть (она — от Бога) и которые могут спокойно умереть, зная, что власть перейдет к детям, законным наследникам.

Если это так, если мы с 1991 по 1997 г. прошли путь от чего-то, отдаленно напоминающего революцию 1917 г. (как буря в стакане воды напоминает бурю на море), до чего-то отдаленно напоминающего сталинскую систему (как тирания столоничальника напоминает настоящую тиранию), то из этого вытекает определенное предсказание. Упорядоченная преемственность власти в подобного рода системах невозможна (Ельцин не мог вынести даже существования вице-президента). Смерть «хозяина» неизбежно ведет к бешеной борьбе его уцелевших к этому моменту приближенных (обычно с неожиданным исходом), апелляцией к народу и списанием на покойного всех мыслимых и немыслимых грехов. Поэтому через какое-то время России, очевидно, предстоит пережить небольшую встряску — что-то вроде маленького (на втором витке спирали — все мельче) «разоблачения культа личности». И, может быть, это будет последняя такого рода встряска, и мы окончательно выйдем из системы «отцов народа» и перейдем к системе, при которой высшие политические карьеры определяются партиями, парламентом, а в конечном счете — избирателями, народом.